

Обязательства выполняю, но приходится лавировать

Полтора года назад московский Театр имени Маяковского возглавил новый художественный руководитель Сергей АРЦИБАШЕВ. Понятно, что творческое наследство оказалось достаточно богатым, но не менее проблемным. В течение прошедшего сезона Арцибашев пытался определить наиболее острые и насущные вопросы и наметить пути их решения. Одновременно ставил спектакли, знакомился с труппой в работе. Новый сезон открылся 10 сентября премьерной постановкой «Карамазовых» по роману Ф. Достоевского, осуществил которую худрук театра. Наш сегодняшний разговор о том, как происходит процесс «вживания» нового лидера в популярный коллектив со своими многолетними традициями.

— Сергей Николаевич, что на сегодняшний день остается главной проблемой вашей деятельности на посту худрука?

— Это вопросы хозяйственной и творческой организации. Одним махом их не решишь. Наверное, это невозможно, а может быть, и не нужно. Грубая ломка и резкий поворот вряд ли выведут в правильном направлении. К тому же у меня очень большое хозяйство. По административно-хозяйственной части еще не сложилась в полном объеме та команда, которая смогла бы решить все вопросы. Здание театра капитально не реконструировалось в течение последних пятидесяти лет. Очень много проблем с техническим оснащением зрительного зала и всего театра.

— Художественному руководителю необходимо во все это вникать?

— Да. Поскольку я — первое лицо, постольку меня должно это касаться. Я вынужден заниматься подобными вопросами. Люди, конечно, есть, но они не все успевают. Кроме того, нужны большие финансовые вложения, это тоже сложная проблема.

— Творческие вопросы менее остры?

— Когда как. Понимаете, многие артисты привыкли существовать в несколько другом режиме, если уж не в абсолютной свободе, то в полусвободе. Порой даже диктуют свои условия: когда они могут быть заняты в спектаклях, а когда нет. Сейчас мне приходится этот режим ломать. Кто-то воспринимает это нормально, кто-то болезненно. Это тоже сложный процесс. Но все-таки я надеюсь, что артисты должны понять — их основное место работы здесь, в этом театре, если уж они связали с ним свою судьбу. Но, конечно, тут и мне приходится лавировать пока.

Кстати, я свои обещания перед коллективом, артистами стараюсь выполнять. Я говорил и говорю, что буду рассчитывать на эту труппу, занимать этих актеров, искать возможности для максимальной занятости всех. Что я и пробую делать. Но даль-

ше все зависит от самих артистов, насколько они захотят участвовать в процессе. Если начнут манкировать, буду принимать меры.

— Сильная рука предпочтительнее театральной демократии?

— Безусловно. Как говорится, дружба дружбой, а табачок врозь. Отношения в коллективе должны быть прежде всего рабочими. Нельзя никому давать поблажки по «дружеским» соображениям.

— Год назад вы говорили, что для вас первостепенной задачей является оценка потенциала труппы. Удалось оценить?

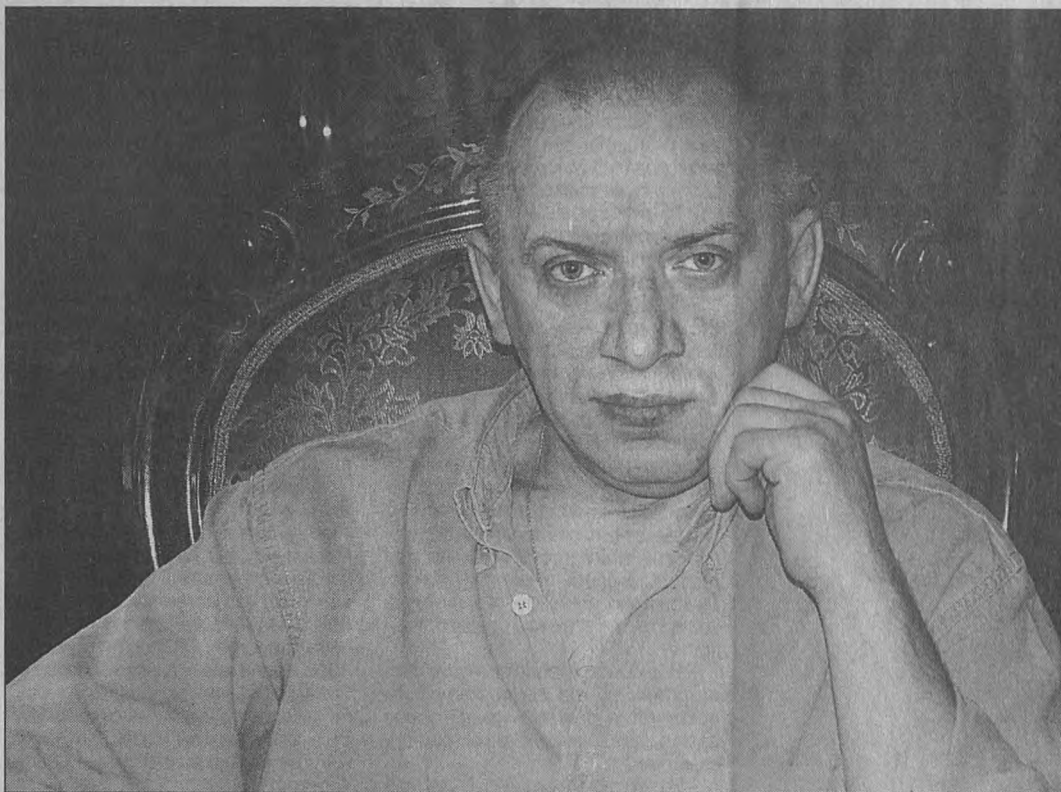
— Всех не успел. Сейчас одновременно репетируется несколько спектаклей, я еще не видел окончательного результата. Оценку после выпуска. А теми артистами, с которыми я сам работал, доволен, потому что вижу их интерес и ко мне, и к тому, как я репетирую.

Например, я сделал спектакль «Банкет», где занял артистов, давно не получавших новые роли. Это Александр Шаврин, Даниил Спиваковский, Виктор Запорожский, Галина Беляева, Ольга Прокофьева и Надежда Бутырцева. Мы знакомились в этой работе, выпустили спектакль в довольно короткий срок. И мне показалось, что возникло внутреннее понимание. Они очень внимательны, что мне нравится. И в результате у актеров открылось второе дыхание, состоялись их новые открытия. Артисты доказали, что способны выйти на первый план. Зрителя их принимают замечательно. Думаю, им тоже это нравится, и они стремятся сохранить душу этого спектакля, не уйти в чистую игогу.

— Произойшли ли в труппе какие-то изменения?

— Я сам с артистами не расстаюсь. Есть люди, которые ушли из театра, но по своей воле, потому что их личные планы не совпали с планами театра.

Я взял в труппу несколько выпускников театральных вузов. Двое из них уже играют в «Карамазовых». Сергей Щедрин — Алешу, Алена Семе-

нова — Лизу Хохлакову. Остальные заняты в репетициях новых спектаклей. Будем проверять.

— Современная «новая драма» попадет в репертуар вашего театра?

— На Малой сцене взяты в работу две пьесы — «Иллюзион» Андрея Курейчика и «Очень простая история» Марио Ладло. Мне нравится, что возникают идеи самостоятельных работ, приходят молодые актеры и режиссеры, приносят новые пьесы. Я их читаю, соотношу с нашими планами. Андрей Максимов, хотя и не очень молодой, но все же современный автор, будет ставить свою новую комедию «День рождения Синей Бороды».

— К театральному творчеству Андрея Максимова критика относится более чем скептически. Вы же даете ему зеленую улицу. Что вас привлекает?

— Привлекает то, что его спектакли нравятся публике. Театр-то большой. Когда мы имеем три площадки, то надо думать не только о самовыражении, но и о заработках. Максимов ставит такие спектакли, которые зрители с удовольствием и в массовом количестве смотрят. С ним охотно работают актеры. Так что здесь мы еще решаем и производственно-финансовые задачи. Но я не брал бы его пьесы в работу, если бы считал их

абсолютно антихудожественными. Это легкие, ироничные истории о жизни, о любви. Есть ведь и такая категория публики, которая может прийти на серьезную работу, заинтересовавшись раньше более легкими постановками. Быть может, у нас есть и такой расчет. Мне хочется, чтобы к нам ходила разная публика и каждый находил свой интерес.

— Сейчас многие известные театры занимают очередь, чтобы пригласить на постановку модных молодых режиссеров — Серебrenникова, Карбаускиса, Чусову. Вы в этой очереди не стоите?

— Нет, не стою. Работ названных вами режиссеров я не видел. Но в принципе в спектаклях молодых я больше вижу самовыражения. Проще говоря, в спектакле все время вижу режиссера, за которым теряются автор и актеры.

— Не парадоксально ли это звучит из уст режиссера?

— Я себя выражаю через других — автора и актеров. Это мне интереснее. А все остальное, визуально-слуховые-символические вещи, — это уже дополнение.

— Вы сказали, что возобновит работу Малая сцена. Что за спектакли там будут идти?

— Малая сцена в Театре имени Маяковского открылась давно. Тогда

большинство спектаклей ставилось на звезд, а молодежь находилась на втором плане. Малая сцена для того и создавалась, чтобы дать им возможность работать. Потом все это затихло, исчезло. Осталась только репетиционная база. Я хочу эту сцену сохранить для молодежных экспериментальных спектаклей. Именно там будут идти пьесы Курейчика и Ладло.

— В минувшем сезоне не с лучшей стороны зарекомендовала себя деятельность филиала в Пушкинском переулке. Какие-то оптимистические перспективы вы наметили?

— Филиал — это моя головная боль. Пока на него не хватает времени, не доходят руки. Еще не все проблемы решены на основной сцене. Тем не менее планы есть — это новые спектакли Андрея Максимова, Юрия Иоффе, Михаила Мокеева. Да, в последние годы филиал оказался без внимания. Будем это исправлять.

— Вы намерены оставаться художественным руководителем Театра на Покровке?

— Да.

— Хватает ли у вас сил на подобное совмещение?

— Не хватает, но я играю там спектакли и курирую работы приглашенных режиссеров. Это пока все, на что я способен. Но тем не менее, если

высвобождается какое-то время, я там провожу репетиции и все-таки хочу поставить спектакль.

— Не планируете передать Покровку в «хорошие руки»?

— А зачем? Это же моя кровь, моя семья. С ней трудно расставаться.

— А если определенным образом объединить работу двух театров?

— Такой задачи пока нет. Там интересный, серьезный репертуар, хорошие актерские работы. Там своя аура, свой стиль, вообще это — нечто другое. Хотелось бы, чтобы все это существовало, развивалось. Дай Бог, чтобы мне удалось привлечь туда людей, которые продолжат то, чем я там занимался. Но сейчас, естественно, все мои мысли и силы обращены к Театру имени Маяковского.

— Такая мощная нагрузка не вызывает сожалений о прежней, более свободной жизни?

— Нет, ни о чем я не жалею. Другого пути нет. Отдыхать я все равно не умею. Время проводить просто так не люблю. Моя жизнь так сложилась, что я всегда только в работе.

— Ваши режиссерские планы?

— Стараюсь выполнить свою программу, которая была намечена уже давно. Когда в конце 90-х годов Андрей Александрович Юнчаров пригласил меня на постановку, я ему предложил ряд названий. Одно из них, «Карамазовы», я сейчас представляю публике. Другое — «Дядя Ваня» Чехова — в планах. Кстати, в 2004 году исполнится сто лет со дня его смерти. К тому же Чехова в репертуаре этого театра практически не было. Только «Чайка», но очень давно.

Параллельно буду заниматься еще одной работой, полегче, чем Чехов. Это пьеса «Женщины» американского автора Клер Бут Люс. Привлекло то, что действующие лица — только женщины, причем их много. Так что я могу дать возможность поработать актрисам, которые мало заняты в репертуаре. К тому же это интересная житейская история.

— Кстати, о женщинах-актрисах. Есть ли надежда, что Наталья Гундарева вернется в театр?

— Я бы хотел верить в это. Наталья Георгиевна — очень сильный, волевой человек. Возможно, у нее откроется какое-то второе, третье или пятое дыхание, найдутся силы. В прошлом году она уже была в хорошей форме, веселая, азартная, смешная. Она ходит, говорит, мыслит. И появилась ощущение, что она вот-вот вернется. В каком качестве, я не знаю. Но обязательно вернется в театр. Я верю, что это случится.

Беседу вел
Ирина АЛПАТОВА
Фото Ирины КАЛЕДИНОЙ